

ФИЛОСОФИЯ

Научная статья
УДК 101.2
doi: 10.17223/15617793/480/6

Экогуманистические аспектации компенсаторного механизма культуры

Дмитрий Витальевич Соломко¹, Сергей Степанович Соковиков², Вера Сергеевна Невелева³

¹ Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия
^{2,3} Челябинский государственный институт культуры, Челябинск, Россия

¹ dimiurg85@mail.ru

² sokovik49@mail.ru

³ vsneveleva@mail.ru

Аннотация. Исследуется компенсаторный механизм культуры в его экогуманистической интерпретации. Выявлено, что он действует универсально на индивидуальном и надиндивидуальном уровнях бытия человека. Авторы приходят к выводу, что теоретическая разработка концепта компенсаторного механизма культуры в его экогуманистической интерпретации позволит более многоаспектно изучать и анализировать явления культуры как в ее истории, так и в актуальном состоянии, получать более точную интерпретацию способов существования человека и культурных практик, обеспечивающих эффект состояния «экосистемы» в ситуациях любых интенсивных.

Ключевые слова: целостность бытия человека, техническое и антропологическое, компенсаторный механизм культуры, экогуманистический подход, утопия, эскапизм

Для цитирования: Соломко Д.В., Соковиков С.С., Невелева В.С. Экогуманистические аспектации компенсаторного механизма культуры // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 480. С. 48–56. doi: 10.17223/15617793/480/6

Original article
doi: 10.17223/15617793/480/6

Ecohumanistic aspects of the compensatory mechanism of culture

Dmitry V. Solomko¹, Sergey S. Sokovikov², Vera S. Neveleva³

¹ South Ural State University (national research university), Chelyabinsk, Russian Federation

^{2,3} Chelyabinsk State Institute of Culture, Chelyabinsk, Russian Federation

¹ dimiurg85@mail.ru

² sokovik49@mail.ru

³ vsneveleva@mail.ru

Abstract. This article examines the compensatory mechanism of culture, which is formed objectively and provides the possibility of a “sustainable development” of society, culture and people in their individual existence in situations of significant socio-cultural transformations. The substantiations of the universality of this mechanism are presented; its action manifests itself variably, can be both spontaneous and consciously used. The mechanism is aimed at reducing or eliminating crisis phenomena and the effects of discomfort from all sorts of forms of socio-cultural imbalance: the conflict of traditional orders and socio-cultural innovations, the values of preservation and change, the living and the materialized, the objectified and the non-objectified, the rational and the irrational, etc. The authors substantiate the idea that the action of the compensatory mechanism of culture can be carried out both according to the model of a pendulum-like transition from an effectively and radically acting innovation to the restoration of traditional cultural forms, and according to a model corresponding to the adaptive function of culture. The authors show the correlation of the compromise nature and methods of action of the compensatory mechanism of culture with the basic principles of the ecohumanistic approach, a specific setting of thinking and practical human activity focused on finding ways and means of achieving optimality in relations between various sides and trends in human life to ensure the possibility of their fruitful coexistence. Under the influence of the intensive development and widespread dissemination of modern techniques and technologies, the established habitual way of life of a human-in-the-world changes dramatically, causing the transformation and modernization of the traditional forms and values of culture. Defining the world of a modern person as techno-technologized, the authors identify the problem of the preservation and active reproduction of the “living principle” of humans, the integrity of their existence, as well as the problem of the possibility of achieving the full value of existence in a situation of socio-cultural dissonance. The authors show that, due to its universality and its inherent therapeutic function, the compensatory mechanism of culture is able

to restore the optimal mode of human existence, to “serve” the needs of various kinds, including those that represent the natural properties of a person in “transformed” forms, in utopia and escapism. The authors come to the conclusion that the theoretical development of the concept of the compensatory mechanism of culture in its ecohumanistic interpretation will allow a more multifaceted study and analysis of phenomena of culture, both in its history and in its current state, to obtain a more accurate interpretation of the ways of human existence and cultural practices that provide the effect of the state of an “ecosystem” in situations of any intensive socio-cultural transformations.

Keywords: integrity of human existence, technical and anthropological, compensatory mechanism of culture, ecohumanistic approach, utopia, escapism

For citation: Solomko, D.V., Sokovikov, S.S. & Neveleva, V.S. (2022) Ecohumanistic aspects of the compensatory mechanism of culture. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 480. pp. 48–56. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/480/6

В истории и актуальном состоянии культуры и социальной жизни воспроизводится аксиома человеческого существования – оно разворачивается в пространстве «между», что обуславливает многообразие его способов. Содержательные характеристики этого пространства могут при этом определяться по-разному и исходя из различных парадигм (схем) понимания и мировоззренческих установок. Бытие человека и его мира может быть представлено осуществляющимся между полюсами отношения абсолютного и относительного, естественного и искусственного, живого и овеществленного, рационального и иррационального и др. Вариативность их действительного соотношения всегда имеет конкретные облики как в индивидуальной, так и в коллективной, совместной жизни людей в динамическом и функциональном аспектах. При этом всякий раз реализующийся вариант демонстрирует и аксиологическую составляющую, указывая на ценностные приоритеты человека, культуры, общества в конкретный период их существования, придающие ему вполне определенный смысл. В постоянной смене способов существования, готовности к переменам, «переоценке ценностей» проявляется жизнеспособность любых форм человеческой жизни. В обществе и культуре объективно складываются и действуют механизмы, обеспечивающие возможность «устойчивого развития», что оказывается особо значимым в современном мире, все более приобретающем небезобидные характеристики турбулентности. Это обстоятельство, связанное с постоянно возрастающим усложнением мира современного человека, его нелинейностью, требует осознанного и ответственного использования потенциала таких механизмов. При этом они могут проявлять свое действие и спонтанно. Одним из них можно считать компенсаторный механизм культуры. Компромиссная и антиредукционистская природа этого механизма предполагает порождение таких культурных форм и способов существования человека, в которых достигается оптимальное соотношение значимого различного (или даже противоположного). Любое из культурных новшеств, «возмущающих факторов», очередных «прельщений» человека (термин Н.А. Бердяева), претендующее на полный захват и перестройку всего пространства его существования, в таком случае может быть адаптировано, включено в жизненный мир людей и конструктивно существовать в нем.

Современное состояние культуры (мира человека) можно определить как ситуацию острых, существенных трансформаций во всех сферах жизни и деятель-

ности человека. Одним из значимых факторов этой трансформации является интенсивное развитие и повсеместное распространение современных техники и технологий, которые кардинальным образом изменяют сложившийся привычный уклад бытия человека-в-мире, в том числе обуславливая изменение, модернизацию (вплоть до «преодоления») традиционных форм и ценностей культуры. Динамика технико-технологического развития имеет весьма большую скорость, которая взвинчивается и поддерживается импульсами изменений потребностей и запросов самих людей. Человек становится заложником созданной им же самой ситуации. Именно человек производит «запрос» на упрощение и облегчение, ускорение и большую эффективность многих видов деятельности, полагая, что это закономерно приведет его к более комфортному, благоприятному и безопасному существованию в современном мире. Подобный эффект, безусловно, достигается, однако обнаруживается и обратная сторона. Во-первых, возникает ситуация смены логик: технологии задают тренды, в соответствии с которыми люди реализуют определенные жизненно важные программы – получают образование (оно вообще становится непрерывным), приобретают и меняют профессии, с необходимостью осваивая все новые навыки и умения и т.д. Во-вторых, все более очевидно, что адаптационные возможности человека становятся несоизмеримыми бурной скорости технико-технологического процесса, и как следствие возникает эффект культурного шока. Ранее усвоенные культурные образцы поведения, мышления, деятельности в новых условиях перестают «работать», быть актуальными. А освоить новые, осмыслить их, выработать к ним новое отношение, «обжить» человек не успевает.

Не случайно появляются и укрепляются идеи о возможности технико-технологической сингулярности [1–3], согласно которым постоянное ускорение прогресса неизбежно приведет к наступлению такой ситуации, когда люди будут не в состоянии поспевать за техникой и технологиями, потеряют над ними контроль, утратят свою субъектную позицию, окажутся полностью замененными техническими устройствами. Это ознаменует начало эры самосовершенствования и самоуправления техники и технологий. Она станет субъектным и автономным началом, превратив мир человека в среду обитания – уже не человеческий «свой» мир (дом), а полностью технический и при этом «чужой», существующий по «меркам» техники,

не всегда ориентированный на человека, дружелюбный, благоприятный для него. Найдется ли место человеку в техническом мире? Сможет ли он в него встроиться? Нужен ли будет вообще человек в этом мире? При всей «экзотичности» подобной техно-(анти)утопии, симптомы вероятности ее осуществления вполне ощутимы.

Сегодня в художественной, научной, философской литературе, в СМИ, сети Интернет, на различных образовательных и научных платформах можно обнаружить диаметрально противоположные, биполярные взгляды в отношении оценки технико-технологической сингулярности и тех перспектив, которые она знаменует. С одной стороны, ее боятся и отрицают, концентрируя внимание на негативных и разрушительных для человека и его мира последствиях; с другой – приветствуют, связывая с ней абсолютно положительные и даже спасительные (путем технико-технологического «апгрейда» не только мира человека, но и самой его природы) перспективы существования человека и его мира. Необходимо иметь в виду обе эти оценки (пессимистическую и оптимистическую) для того, чтобы избегать обозначенных крайностей и формировать адекватное отношение, учитывая возможные преимущества и риски этого процесса. Иными словами, достигать оптимальности в оценке ситуации. Техничко-технологическая сингулярность – пока еще только гипотетический образ, который может и не осуществиться. Нарастание скорости в развитии техники и технологий, когда человек выступает в роли догоняющего, появление и интенсивное распространение технико-технологических инноваций есть лишь фаза, не обязательно предполагающая бесконечность развития этого процесса. Адаптационные возможности, предполагающиеся уникальной природой человека, несводимостью как одной из его фундаментальных характеристик, а также компенсаторный механизм культуры, способны оптимизировать эту тенденцию, обеспечить необходимую меру в отношении технического и антропологического. Человеку по силам преодолеть культурного шока, его задача – не только сохранять способность к рефлексии над сложившейся культурной ситуацией, но и быть в ней активно действующим практически: осваивать и встраивать технические и технологические новшества в свою жизнь, чтобы оставаться социально-актуальным и современно живым. Для человека важно обустроить технико-технологический мир согласно критериям дома – места для человека, которое его надежно защищает и охраняет, бережет и укрывает от всего чужого и чуждого, от «пространства бездомности» [4].

Человек всегда стремился преодолеть подобные острые, конфликтные ситуации своего существования. В этих случаях в культуре срабатывает компенсаторный механизм [5–7]. Он выступает одним из универсальных механизмов и проявляется обычно в ситуациях существенных трансформаций социокультурного мира. Его действие направлено на снижение или снятие кризисных явлений и дискомфортных эффектов от всевозможных форм культурного диссо-

нанса: конфликта традиций и новаций, ценностей сохранения и изменения [8] и т.п. В каких бы конкретных ситуациях ни проявлялось его действие, он обеспечивает реализацию в отношении сторон логики их согласованного и скоординированного бытия.

Компенсаторный механизм выполняет не только адаптивную, но и креативную функцию. Найденная, созданная за счет его действия культурная форма встраивается в уже существующее содержание культуры, таким образом, требуя его переформирования, нового способа организации, нового порядка и открывая новые возможности для человека. Чем больше укрепляется и расширяется тенденция стандартизации в культуре, тем больше обозначается запрос на то, что ей сопротивляется, тем больше обнаруживается потребность в нестандартности во всех формах отношения человека к миру. Здесь имеется в виду потребность выхода за рамки стандарта в разных вариантах, так как в этом проявляется творческий подход. Потребность в творческом (нестандартном) подходе обнаруживается практически во всех сферах жизни и деятельности человека – в политике, экономике, образовании, бизнесе.

В научной литературе [9–13] обнаруживаются существенные различия в понимании сущности механизмов культуры, однако «можно, предельно упрощая, утверждать, что они “отвечают” на три основных вопроса: *что происходит* в рамках их действия; *каким образом*; с какими *результатами*» [14].

Что происходит в рамках действия компенсаторного механизма культуры? Необходимо отметить, что это действие не может быть сведено лишь к маятникообразному типу. Однако как спонтанно возникающие, так и осознанно внедряемые (мотивация при этом может быть разной – от протестной до охранительной) культурные практики, ответные по отношению к радикальной культурной новации, могут соответствовать именно такой модели. Например, в ситуации наступательного действия, экспансии компьютерных технологий возрождаются и оцениваются заново в их гуманитарной значимости «ретро»-практики: от чтения с экрана – к традиционному чтению книги; от печатания с использованием клавиатуры – к рукописанию; от сетевого, часто специально конструируемого по желаемым стандартам формата отношений – к живому общению со всей их сложностью и непредсказуемостью и т.д. Однако существует и иная модель действия компенсаторного механизма, которая связана с поиском и достижением *оптимального* соотношения различного, противоположного, когда создаются максимально благоприятные возможности развития, реализации внутреннего потенциала каждой из сторон. В таком случае не тенденции вытеснения, подавления одной из них со стороны другой, не логика отрицания, но логика утверждения проявляется в действии компенсаторного механизма, что обуславливает определенный *результат* – рождение в компенсаторном процессе нового типа отношений, обладающего *самодостаточной ценностью*. *Оптимальность* – это максимально возможный в определенных обстоятельствах и условиях вариант

согласованного сосуществования различного, максимально учитывающий различие сторон «компромисс». Это, например, согласование процесса развития техники и технологий с их гуманитарным смыслом, с тем, ради чего и ради кого это развитие осуществляется [15]. Оптимальность означает удержание в сопряжении цивилизационных возможностей и культурных смыслов. Технический мир (искусственный, созданный) может быть (и нередко остается) соразмерным человеку и ориентированным на человека как естественное существо. Многие виды техники и технологий создаются для того, чтобы поддержать, укрепить, усилить естественные возможности человека. Иное дело, если именно техника и технологии становятся самооценными и самодостаточными [16]. С этой точки зрения техническое мироотношение предполагает культурно-гуманитарную составляющую и наоборот, т.е. ситуацию взаимоопосредования в отношении человека, техники и культуры. Это взаимоопосредование, определяя характер их взаимодействия, позволяет рассматривать отношение между ними как соотношение интегрированных элементов системного «органического» целого, определяемого как экосистема.

Каким образом проявляется действие компенсаторного механизма? Нередко его действие проявляется спонтанно (что указывает на наличие внутренних, имманентных причин его действия в культуре) и стихийно, не целенаправленно, т.е. не в результате сознательного конструирования, вне специально организованных форм. При этом спонтанность органично связана с оптимальностью. Компенсаторный механизм действует «даже в самых, казалось бы, спонтанных, хаотичных ситуациях, воплощая нередко скрытые закономерности культурных процессов» [14].

Смысл действия компенсаторного механизма связан с удержанием целого в ситуациях, когда целое бытия культуры и человека требует переорганизации в силу действия как внешних, так и внутренних причин. Причем всякий раз это осуществляется в уникальной, нестандартной форме и на определенное время сохраняет свою жизнеспособность. Компенсаторный механизм культуры действует по направлению создания бесконечно разнообразных вариантов целостности, которая соответствует критериям устойчивой экосистемы [17]. Именно это и возможно представить как *результат действия* компенсаторного механизма культуры.

Компенсаторный механизм может быть запущен в действие, и его возможности могут быть использованы вполне осознанно, чтобы на фоне предложенной в самой культуре альтернативы лучше, четче можно было осознать и оценить возникшую в культуре новацию или чтобы не утратить потенциал уже существующих форм, которые за счет их компромиссного соединения с новшеством могли бы приобрести новые возможности.

Природа и способы действия компенсаторного механизма культуры соответствуют принципам экогуманистического подхода в осмыслении всего многообразия бытия человека и его мира. Экогуманистиче-

ский подход – это специфическая установка мышления и практической деятельности, ориентированная на поиск способов и средств достижения оптимальности в отношениях различных сторон бытия человека для обеспечения возможности их плодотворного сосуществования. В частности, в отношении человека с технико-технологизированным миром компенсаторный механизм проявляется в том, что рост объема и активности объективированных форм в культуре и социальной жизни человека (что все больше указывает на возрастающую претензию этих форм на самодостаточность и самооценность) непосредственно породили, актуализировали и проблематизировали все, что связано с «живым», необъективируемым началом в бытии человека. Проблема соотношения живого, дорефлективного, естественно синкретичного и различных форм его объективированных манифестаций неоднократно обозначалась в истории философии и гуманитарного знания. С тревогой о будущем человечества об этом писали, например, Э. Гуссерль (указывая на «жизненный мир» как дорефлективный горизонт любой научной картины мира), Н.А. Бердяев (различая дух и его объективированные формы), О. Шпенглер (различая живую душу культуры и ее чувственно-ставшие выражения) и многие другие мыслители XX в. И это не случайно, поскольку именно в данное время развитие культуры осуществляется в контексте оппозиции сциентизма и антисциентизма как ценностно-мировоззренческих ориентаций. Их противостояние, весьма обострившееся в связи с ростом авторитета и значимости научно-технического потенциала человечества, привело в результате в настоящее время к сближению обеих позиций, осознанию необходимости выработки оптимального варианта их соотношения. «На философском уровне начинает обсуждаться проблема развития культуры как особой динамической системы, которая гибко реагирует на самые различные новообразования, включаемые в нее в качестве элементов. Культура в большей степени рассматривается как образование, интегрирующее в себе все достижения человечества, включая современные научно-технические, если они способствуют сохранению и развитию общечеловеческих ценностей и ориентиров» [18. С. 6–7].

Экогуманистический подход применительно к бытию человека в технико-технологизированном мире предполагает сохранение посредством активного воспроизводства живого начала в человеке, понимаемого как непосредственное сцепление в единство всех природных и социокультурных свойств человека, всякий раз воспроизводящееся в уникальной форме. Основные принципы экогуманистического подхода: принцип доминанты целого (целостности) по отношению к частям; оптимальности; координации и согласованности в со-существовании всех взаимодействующих частей и сторон на основе признания их самостоятельности и равнозначности. Все эти принципы созвучны основным характеристикам, специфике и смыслу действия компенсаторного механизма культуры. Можно сказать, что в действии компенсаторного механизма культуры экогуманистический подход

находит свое реальное воплощение как на практическом уровне, так и на теоретическом – в виде нового знания, экогуманистики¹. Экогуманистика и экогуманистический подход базируются на ряде философских оснований, в качестве которых выступают, в частности, идеи «человекомерности», целостности человека и его бытия; диалектика уникального и универсального, живого и овеществленного (при этом живое начало в человеке понимается в онтологическом и аксиологическом смысле, а его сохранение – как возможное лишь через активное воспроизводство).

Экогуманистический подход выступает ответом компенсаторного характера вызовам технико-технологических трансформаций, своеобразной альтернативой технико-технологическому подходу. При этом экогуманистика не отменяет возможности использования технико-технологического подхода, тенденции технизации мира человека, но предполагает изменение в понимании места и роли техники и технологий в жизни человека. Техника в ее развитии рассматривается с точки зрения «мерок» человека, когда человек делает свой мир себе соразмерным, а не старается безоглядно соответствовать наличным шаблонам этого мира. Каковы бы ни были социально-экономические, политические, технико-технологические и прочие устремления, стратегии и возможности человечества, главное, чтобы всегда ориентиром при его перспективном развитии была установка на обеспечение живого начала, гарантия того, что оно будет сохранено через актуальное воспроизводство. Поскольку именно это живое начало в человеке задает границы его «человечности», того, что человек остается живым человеком.

Вместе с тем в контексте экогуманистического подхода компенсаторный механизм культуры не следует видеть исключительно в оптимистичном ключе. В силу своей универсальности этот механизм способен «обслуживать» потребности самого разного рода, в том числе и те, которые представляют естественные свойства человека в «превращенных» формах. Примером тому могут служить проявления компенсаторного механизма в пространстве утопического и явлениях эскапизма. Рассмотрим это несколько подробнее.

Прежде всего, следует очертить характерные признаки типической социокультурной ситуации, в которой закономерно появление компенсаторного эффекта. В качестве исходного обстоятельства выступает возникновение и, что важно, интенсивное переживание диссонанса между оценкой субъектом наличествующих состояний локуса его обитания и представлений о более гармоничном устройстве образа существования. Вторым обстоятельством является объективная невозможность прямого устранения диссонансирующих факторов. Однако их действие вызывает эффект фрустрации, неустраивающий требующий восстановления оптимальных параметров ситуации. В связи с этим ищутся пути достижения консонанса между наличным бытием и субъективными интенциями к совершенству. В таких обстоятельствах органичным выходом служит формирование конструкций, альтернативных источникам диссонанса, в определенной

степени снимающих остроту действия диссонансирующих факторов. Создателем подобных компенсативных артефактов может стать субъект любого масштаба – от отдельной личности до широкой общности, а формы воплощения компенсативных артефактов варьируют от «личных мифов» и эскапизма до «государственных» утопий и идеологием. Из этого следует органичность включенности утопического в сферу компенсаторных практик.

При всем разнообразии утопических проявлений (ухрония, дистопия, гетеротопия, практопия, эупсихия, экотопия и пр.) утопию в самом общем виде можно понимать как устойчивое представление образа существования, невозможного в актуальном хронотопе. От произвольных мечтаний и грез любого рода утопия отличается тем, что порождается совокупностью объективных обстоятельств, существенно значимых для субъекта, обладает относительной полнотой структурно-содержательных характеристик и включает переживание надежд на вероятность осуществления. От реалистичных проектов утопию отличает отсутствие видения путей ее воплощения либо их неосуществимость в актуальном времени. Учитывая, что адекватная реализация утопических представлений на практике невозможна, утопия существует и действует именно за счет контраста между диссонансным наличным бытием и иллюзорно-убедительными образами желаемого (или, в случае антиутопии, отрицаемого) модуса существования. Такое сочетание неосуществимости в действительном хронотопе и реального эффекта переживаний содержания утопии делает ее действенной формой компенсации «несовершенств» наличествующего мира.

Как правило, функциональная значимость утопии обозначается в двух аспектах: критическом (негативизация существующих порядков) и проективном (идеализированные образы недостижимого в актуальном пространстве/времени «светлого будущего» или «светлого прошлого»). Компенсаторная функция утопии упоминается крайне редко и сводится в основном к тому, что «она компенсирует недовольство своей жизнью и существующим обществом, позволяя обрести в своих фантазиях то, что невозможно получить в реальной жизни» [19. С. 173]. Важным аспектом выступает также значение утопического в достраивании гештальта как антропологической целостности человеческой личности. В случае возникновения диссонанса во взаимодействии со средой завершение личностного (personality) гештальта становится проблематичным. Возникает травмирующая ситуация, в которой оптимальным выходом видится «утопическое творчество как способ мыслительного эксперимента и сотворения лучшего мира с идеальным общественным порядком», помогающее «завершить гештальт, обрести равновесие с обществом и целостность» [20. С. 232]. Называя подобный эффект терапевтическим, М.В. Митрохина вместе с тем уточняет, что механизм, обуславливающий интенсивную вовлеченность в утопическое творчество и существование в его ценностном пространстве, «остается неуточненным ввиду сложности данного вопроса» [20. С. 231]. Пред-

ставляется, что некоторые уточнения сделать все же можно. Действие утопического в представленной ситуации, скорее, следует охарактеризовать именно как компенсаторное, включающее своеобразную «терапию» как аспект, но не ограниченное только «мыслительным экспериментом».

Компенсаторный эффект утопии не сводится исключительно к пульсации ее образов в фантазии и воображении. Она способна давать проекции в реальное пространство, побуждая носителей утопических образов к практическим действиям. Понимание невозможности полного воплощения фантазийного конструкта порождает состояние фрустрации, которое «раскалывает» целостность личности или общности и требует изживания через действие, имеющее в основе тот же утопический ориентир. Разумеется, «предельное» утопическое совершенство принципиально недостижимо, но всегда остается возможность конструирования реальных локусов, иллюзорно аналогичных образам утопии, отчасти воспроизводящих ее черты и, что важно, позволяющих в них реально существовать и действовать. Одним из наиболее эффективных способов осуществления такой интенции выступает эскапизм.

Это явление чаще рассматривается как уход (бегство) в некие вымышленные миры в силу неудовлетворенности наличными свойствами бытия. Эскапизм представляется естественным, органично присущим человеку движением от состояния, где ему плохо, к состоянию, где ему хорошо [21. С. 132]. Связь эскапизма и утопии можно предельно кратко обозначить так: утопия выступает воображаемым, виртуальным объектом чаемого несбыточного; понимание несбыточности порождает эскапистские настроения и стремление к действиям, компенсирующим невозможность прямого достижения утопии. Таким образом, эскапизм воплощает движение к осуществлению утопии и существование в ее сконструированном подобии. В этом смысле важно подчеркнуть неточность оценки эскапизма как «капитуляции» перед несовершенной реальностью и его сведения к чисто мыслительному (фантазийному) эксперименту. Компенсативное значение эскапизма, несмотря на некоторую степень его утопичности, включает вполне реальные эффекты. Эмпирические исследования показывают: конструирование особых локусов в ходе эскапистского выхода за пределы привычной, но диссонансной для субъекта повседневности делает человека более «вооруженным» перед лицом этой «первичной» реальности, развивая у него системную рефлексию множества альтернативных возможностей и тем самым закладывая основу для совершенствования и самореализации [22. С. 46]. Причем этот путь не ограничивается рамками фантазии и воображения; эскапизм также включает опредмечивание в активных формах деятельности, образуя локусы реального существования.

К числу подобных проявлений следует отнести различные эксперименты по практическому воплощению эскапистски-утопических представлений, чему немало примеров в истории. Однако эти попытки бы-

ли частичными и малоуспешными, в том числе из-за принципиальной невозможности достижения идеала в неприспособленном для этого контексте безусловной реальности. Ситуация изменилась с возникновением виртуального пространства, продуцированного посредством электронных медиа. Помимо иных значений, это пространство оказалось «идеальным» местом размещения альтернативных версий реальности, воплощающих объективированные и опредмеченные образы желаемого существования. Они обладают высокой степенью иллюзорной достоверности, в их локусах можно активно и вариативно действовать. Тем самым утопические по сути конструкции, позволяя уйти от острых коллизий непосредственного бытия, не просто переживаются, но действительно проживаются: виртуальная реальность «становится настоящим “здесь и сейчас” живущих людей» [23. С. 69]. Более того, в подобных условиях действие компенсаторного механизма меняет траекторию: компенсация переходит в замещение. Возникает парадоксальная ситуация взаимосмещения модусов реальности: яркость, убедительность виртуальных образов и возможность действовать в их рамках приводят к восприятию реальной действительности как «рудиментарной формы существования» [23. С. 71], служащей, по сути, неполноценным дополнением более совершенного виртуального мира. Это сконструированное пространство позволяет, казалось бы, смоделировать любое надежное, безопасное убежище от дисгармонии «натурального» бытия, дает возможность обитания и действия, приносит чувство настоящего удовлетворения от жизни, наполняя ее смыслом. Особую остроту таким переживаниям придает то, что человек в виртуальном мире, по выражению О.Н. Новиковой, «изначально уже включен в атмосферу карнавальности, интриги и авантюры» [24. С. 46].

Таким образом, интенсивность реальных переживаний существования в виртуальных мирах порождает то самое «приключение», компенсирующее рутинную повседневность, о котором писал Г. Зиммель: «Приключение отличает радикализм, посредством которого оно ощущается как напряжение жизни <...> переживание превращается в приключение, когда количество этих напряжений достаточно велико, чтобы, минуя материю, вырвать жизнь из обычных рамок» [25. С. 199]. Написанные в 1911 г., слова Г. Зиммеля как нельзя более точно характеризуют ситуацию происходящего в виртуальном пространстве: оно, «минуя материю» безусловной действительности, вырывает человека из ее течения, взамен даруя совершенно реальное «приключенческое» переживание бытия в сконструированном мире. Эффект подлинности и действительности виртуального утопизма обеспечивает игровой характер происходящего. Разумеется, предмет игры условно-утопичен, однако игровые аксессуары и сама включенность в процесс игры, несомненно, реальны. В безусловно реальной действительности игровое воплощение утопии может найти только в сугубо кратковременном локусе, например в форме упомянутой выше карнавальности. Отмечая в карнавале слитность утопии с реальной жизнью,

М.М. Бахтин вместе с тем подчеркивает временную ограниченность этого: разыгрывая «другую свободную (вольную) форму своего осуществления, свое возрождение и обновление на лучших началах <...> Идеально-утопическое и реальное временно сливались в этом единственном в своем роде карнавальном мироощущении» [26. С. 12, 15–16]. В отличие от этого воплощение «карнавала утопии» в виртуальном пространстве происходит по произвольному желанию игрока-пользователя в любое время. Причем происходящее обладает такой убедительностью, что порождает причудливую ситуацию, в которой «мультимедийная, сетевая жизнь становится для многих той главной “реальностью”, от которой мы стремимся сбежать» [21. С. 132]. Таким образом, компенсирующий эскапизм, сделав круг, меняет направление движения «от реальности к виртуальности» на обратное, например, в форме цифрового детокса.

Причудливым образом утопическая компенсативность претворяется в явлении ressentiment. Фридрих Ницше видел его основу в остром переживании чувства своей недостаточности, неполноценности, ущербности. Не в силах изменить ситуацию в действительности, человек находит компенсацию в формировании образа внешнего «врага», который и виновен во всех бедах и неудачах. К «врагу» обращены чувства обиды, злости, зависти и жажды мести. В стремлении избавиться от собственной ответственности за неполноценность, человек неизбежно использует компенсирующую функцию утопии: создает «антиутопию врага», а исходя из нее – и «утопию Себя». Оценивающий ressentiment резко критично, Ф. Ницше, называющий его «моралью рабов», тем не менее находит в такой компенсирующей утопичности и творческие аспекты. В работе «К генеалогии морали» он пишет: «Представьте же теперь себе “врага”, каким измышляет его человек ressentiment, – вот где его деяние, его творчество: он сочинил “злого врага”, “злого” как раз в качестве основного понятия, уже исходя из которого в качестве копии и антипода он выдумывает и “доброе” – самого себя!» [27. С. 256]. Следует отметить, что острие критики Ф. Ницше было направлено прежде всего против установок христианства, культивирующих, по его мнению, «рабскую мораль». В то же время несомненно, что ressentiment – явление гораздо более масштабное, проявляющееся в самых разных сферах и ситуациях. Продолжение исследований показывает его своеобразную амбивалентность, заключающуюся в способности компенсировать исходную негативную энергию ressentiment через своего рода сублимацию. Причем к

такому выводу приходят представители разных научных дисциплин. Так, австралийский исследователь проблем виктимности Ребекка Стрингер видит в ressentimentе неизбежную и потенциально положительную силу [28. Р. 267], американский философ Майкл Боулз призывает искать способы использования потенциальной энергии этого явления, отмечая, что «эксплуатация человеческого ressentimentа – это своего рода искусство» [29. Р. 15].

Достаточно полно такой эффект «вторичной компенсации» раскрывает американский религиовед Грейсон Хант. Не снимая негативных оценочных аспектов, он тем не менее акцентирует потенциал ressentimentа в качестве ценного и важного ресурса для борьбы с репрессивными моральными и религиозными нормами, расширяющего в этом смысле возможности субъекта [30. Р. 118–119]. Особого внимания заслуживает суждение Г. Ханта о выражении ressentimentа через смех, дающий возможность «специфичного выплеска для тех, кто устал от массовой психологии серьезности и внутренней жестокости» [30. Р. 142]. Представляется, что эта мысль обнаруживает связь с концепцией карнавального смеха М.М. Бахтина, смеха амбивалентного, одновременно уничижительного и созидательного, внутренне содержащего утопический посыл, когда «народно-площадное смеющееся лицо его глядело в будущее и смеялось на похоронах прошлого и настоящего» [26. С. 94].

Проявления компенсаторного механизма в утопии, эскапизме и ressentimentе представляют только некоторые штрихи его универсальной значимости. Тем не менее, обобщая результаты анализа и других ситуаций его воплощения, можно полагать симптоматичной качественную направленность его действительности: при всей вариативности проявлений компенсаторный механизм культуры означает целенаправленное или спонтанное движение субъекта от переживания дискомфорта, диссонанса, дисбаланса, эксклюзии, фрустрации к достижению уравновешенности, созвучия, упорядоченности, гармоничности, оптимальной полноценности бытия. Даже если компенсативный эффект достигается посредством формирования иллюзорных конструкций, действительность компенсаторного механизма обеспечивается в соответствии со знаменитой «теоремой Томаса»: если ситуации определяются людьми как реальные, они реальны по своим последствиям. Тем более это справедливо по отношению к безусловно реальным ситуациям, в которых компенсаторный механизм способен выполнить терапевтическую функцию восстановления оптимального модуса человеческого существования.

Примечание

¹ Термин «экогуманистика» предложен отечественным и американским философом, филологом и культурологом М.Н. Эпштейном. В эпштейновском понимании в основе экогуманистики лежит подход к человеку как «рудименту» полудикой стадии развития разума, выпадающему «в осадок» и выходящему за пределы «сохраняемости» виду. В нашем же понимании экогуманистика предстает как экология бытия человека: экология бытийных, сущностных характеристик человека и всех видов его отношения к миру.

Список источников

1. Виндж В. Сингулярность / пер. В.А. Гришечкин, М.Б. Левин. М.: АСТ, 2019. 224 с.
2. Назаретян А.П. Нелинейное будущее: Сингулярность XXI в. как элемент мегаистории // Век глобализации. 2015. № 2 (16). С. 18–34.
3. Юджовски Э. Вглядываясь в Сингулярность. URL: <https://proza.ru/2007/07/08-42> (дата обращения: 25.09.2021).
4. Хайдеггер М. Вопрос о технике. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/5565> (дата обращения: 25.09.2021).

5. Доброхотов А.Л. Механизмы культуры // Телеология культуры. М. : Прогресс-Традиция, 2016. URL: <https://www.livelib.ru/book/133559/readpart-teleologiya-kultury-aleksandr-dobrohotov/~16> (дата обращения: 26.09.2021).
6. Румянцева М.В. Компенсаторная теория в работах Германа Люббе и Одо Маркварда. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 32 с.
7. Тарасов А.Н. Механизмы динамики культуры в процессе социокультурной трансформации // Общество: философия, история, культура. 2016. № 5. С. 26–29.
8. Дыдров А.А., Невелева В.С. Антропология инноваций // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Культура. 2019. № 48. С. 35–48.
9. Астафьева О.Н., Грушевицкая Т.Г., Садохин А.П. Культурология. Теория культуры : учеб. пособ. 3-е изд., перераб. и доп. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2012. 487 с.
10. Доброхотов А.Л. Универсальные механизмы культуры. М. : МАКС Пресс, 2004. 63 с.
11. Корель Л.В. Архитектоника адаптивных механизмов социальных систем: социологический дискурс Регион: экономика и социология. 2007. № 1. С. 169–185.
12. Найдорф М.И. Введение в теорию культуры. Основные понятия культурологии. Одесса : Друк, 2005. 192 с.
13. Тарасов А.Н. Механизмы динамики культуры в процессе социокультурной трансформации // Общество: философия, история, культура. 2016. № 5. С. 26–29.
14. Сокоиков С.С., Цукерман В.С. Компенсаторный механизм культуры: заметки на полях работы А.Я. Флиера // Вестник культуры и искусств. 2021. №1 (65). С. 53–63.
15. Глухов П.П., Попов А.А., Аверков М.С. Контуры нового антропологического проекта образования // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 61. С. 45–54.
16. Невелева В.С., Соломко Д.В. Человек и технизированный мир: экологический вектор философского осмысления // Вестник Пермского университета. 2020. № 2. С. 181–191.
17. Луков В.А. Экология культуры и тезаурусная трактовка будущего // Горизонты гуманитарного знания. 2017. № 3. С. 3–11.
18. Миронов В.В. Образы науки в современной культуре и философии. М. : Гуманитарий, 1997. 254 с.
19. Заладина М.В. Специфика утопии как феномена сознания и культуры // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2009. № 4. С. 167–174.
20. Митрохина М.В. Утопическое творчество как способ завершения гештальта // Утопические проекты в истории культуры : сб. матер. всерос. науч. конф. Ростов н/Д : Фонд науки и образования, 2017. С. 231–234.
21. Труфанова Е.О. Эскапизм: между природой и культурой // Вестник САФУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2021. № 1 (21). С. 125–134.
22. Беловол Е.В., Кардапольцева Е.В. Эскапизм «хороший» и эскапизм «плохой»: эмпирическая верификации модели // Прикладная юридическая психология. 2018. № 4 (45). С. 38–48.
23. Лешкевич Т.Г., Катаева О.В. Виртуализация жизненного мира: к контурам новой парадигмы // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 460. С. 69–76.
24. Новикова О.Н. Игроизация культуры постмодерна и современные практики эскапизма // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Культурология. 2016. № 8 (390). С. 45–51.
25. Зиммель Г. Приключение // Избранное. Созерцание жизни. 2-е изд. / сост. С.Я. Левит. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2017. С. 187–199.
26. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М. : Худож. лит., 1990. 541 с.
27. Ницше Ф. К генеалогии морали / пер. К. Васьяна // Полное собрание сочинений : в 13 т. М. : Культурная революция, 2012. Т. 5. С. 229–382.
28. Stringer R.A. Nietzschean Breed: Feminism, Victimology, Ressentiment // Why Nietzsche Still?: Reflections on Drama, Culture, and Politics / ed. by A.D. Schrift. Berkeley : U of California P, 2000. P. 247–273.
29. Bowles M.J. The Practice of meaning in Nietzsche and Wittgenstein // Journal of Nietzsche Studies. 2003. Vol. 26, № 1. P. 12–24.
30. Hunt G. Redeeming Resentment: Nietzsche's Affirmative Ripostes // American Dialectic. 2013. Vol. 3, № 2/3. P. 118–147.

References

1. Vinge, V. (2019) *Singulyarnost'* [The Coming Technological Singularity]. Translated from English by V.A. Grishechkin, M.B. Levin. Moscow: AST.
2. Nazaretyan, A.P. (2015) Nelineynoe budushchee: Singulyarnost' XXI v. kak element megaistorii [Nonlinear Future: The Singularity of the 21st Century. as an element of megahistory]. *Vek globalizatsii*. 2 (16). pp. 18–34.
3. Yudkovski, E. (2007) *Vglyadyvayas' v Singulyarnost'* [Looking into the Singularity]. [Online] Available from: <https://proza.ru/2007/07/08-42> (Accessed: 25.09.2021).
4. Heidegger, M. (2021) *Vopros o tekhnike* [The Question Concerning Technology]. Translated from German. [Online] Available from: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/5565> (Accessed: 25.09.2021).
5. Dobrokhotoy, A.L. (2016) Mekhanizmy kul'tury [Mechanisms of culture]. In: *Teleologiya kul'tury* [Teleology of culture]. Moscow: Progress-Traditsiya. [Online] Available from: <https://www.livelib.ru/book/133559/readpart-teleologiya-kultury-aleksandr-dobrohotov/~16> (Accessed: 26.09.2021).
6. Rumyantseva, M.V. (2014) *Kompensatornaya teoriya v rabotakh Германа Lyubbe i Odo Markvarda* [Compensatory theory in works by Hermann Lubbe and by Odo Marquard]. Moscow: HSE.
7. Tarasov, A.N. (2016) Mekhanizmy dinamiki kul'tury v protsesse sotsiokul'turnoy transformatsii [Mechanisms of culture dynamics in socio-cultural transformation]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*. 5. pp. 26–29.
8. Dydrov, A.A. & Neveleva, V.S. (2019) The Anthropology of Innovations. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 48. pp. 35–48. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/48/4
9. Astaf'eva, O.N., Grushevitskaya, T.G. & Sadokhin, A.P. (2012) *Kul'turologiya. Teoriya kul'tury: ucheb. posob.* [Culturology. Theory of culture: textbook]. 3rd ed. Moscow: YuNITI-DANA.
10. Dobrokhotoy, A.L. (2004) *Universal'nye mekhanizmy kul'tury* [Universal mechanisms of culture]. Moscow: MAKS Press.
11. Korel', L.V. (2007) Arkhitektonika adaptivnykh mekhanizmov sotsial'nykh sistem: sotsiologicheskiy diskurs [Architectonics of adaptive mechanisms of social systems: sociological discourse]. *Region: ekonomika i sotsiologiya*. 1. pp. 169–185.
12. Naydorf, M.I. (2005) *Vvedenie v teoriyu kul'tury. Osnovnye ponyatiya kul'turologii* [Introduction to the theory of culture. Basic concepts of cultural studies]. Odessa: Druk.
13. Tarasov, A.N. (2016) Mekhanizmy dinamiki kul'tury v protsesse sotsiokul'turnoy transformatsii [Mechanisms of culture dynamics in socio-cultural transformation]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*. 5. pp. 26–29.

14. Sokovikov, S.S. & Tsukerman, V.S. (2021) Kompensatornyy mekhanizm kul'tury: zametki na polyakh raboty A.Ya. Fliera [The compensatory mechanism of culture: notes on the margins of A.Ya. Flier's works]. *Vestnik kul'tury i iskusstv*. 1 (65). pp. 53–63.
15. Glukhov, P.P., Popov, A.A. & Averkov, M.S. (2021) Outlines of a New Anthropological Education Project. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 61. pp. 45–54. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/60/5
16. Neveleva, V.S. & Solomko, D.V. (2020) Chelovek i tekhnizirovanny mir: ekologicheskiy vektor filosofskogo osmysleniya [Man and the technized world: an ecological vector of philosophical reflection]. *Vestnik Permskogo universiteta*. 2. pp. 181–191.
17. Lukov, V.A. (2017) Ekologiya kul'tury i tezaurusnaya traktovka budushchego [Ecology of culture and thesaurus interpretation of the future]. *Gorizonty gumanitarnogo znaniya*. 3. pp. 3–11.
18. Mironov, V.V. (1997) *Obrazy nauki v sovremennoy kul'ture i filosofii* [Images of science in modern culture and philosophy]. Moscow: Gumanitarniy.
19. Zaladina, M.V. (2009) Spetsifika utopii kak fenomena soznaniya i kul'tury [The specifics of utopia as a phenomenon of consciousness and culture]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki*. 4. pp. 167–174.
20. Mitrokhina, M.V. (2017) [Utopian creativity as a way to complete the gestalt]. *Utopicheskie proekty v istorii kul'tury* [Utopian projects in the history of culture]. Conference Proceedings. Rostov-on-Don: Fond nauki i obrazovaniya. pp. 231–234. (In Russian).
21. Trufanova, E.O. (2021) Eskapizm: mezhdru prirodoy i kul'turoy [Escapism: between nature and culture]. *Vestnik SAFU. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. 1 (21). pp. 125–134.
22. Belovol, E.V. & Kardapol'tseva, E.V. (2018) Eskapizm “khoroshiy” i eskapizm “plokhoiy”: empiricheskaya verifikatsii modeli [“Good” and “bad” escapism: empirical verification of the model]. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya*. 4 (45). pp. 38–48.
23. Leshkevich, T.G. & Kataeva, O.V. Virtualization of the Lifeworld: To the Contours of a New Paradigm. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 460. pp. 69–76. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/460/8
24. Novikova, O.N. (2016) Igroizatsiya kul'tury postmoderna i sovremennye praktiki eskapizma [Gamification of postmodern culture and modern practices of escapism]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Kul'turologiya*. 8 (390). pp. 45–51.
25. Simmel, G. (2017) Prikluychenie [The Adventure]. In: *Izbrannoe. Sozertsanie zhizni* [Selected works. The view of life.]. Translated from German. 2nd ed. Moscow; Saint Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ. pp. 187–199.
26. Bakhtin, M.M. (1990) *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura Srednevekov'ya i Renessansa* [Rabelais and his world]. Moscow: Khudozh. lit.
27. Nietzsche, F. (2012) K genealogii morali [On the genealogy of morality]. Translated from German by K. Svas'yan. In: *Polnoe sobranie sochineniy: v 13 t.* [Complete Works: in 13 volumes]. Vol. 5. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya. pp. 229–382.
28. Stringer, R.A. (2000) Nietzschean Breed: Feminism, Victimology, Resentment. In: Schrifft, A.D. (ed.) *Why Nietzsche Still?: Reflections on Drama, Culture, and Politics*. Berkeley: U of California P. pp. 247–273.
29. Bowles, M.J. (2003) The Practice of meaning in Nietzsche and Wittgenstein. *Journal of Nietzsche Studies*. 26 (1). pp. 12–24.
30. Hunt, G. (2013) Redeeming Resentment: Nietzsche's Affirmative Ripostes. *American Dialectic*. 3 (2/3). pp. 118–147.

Информация об авторах:

Соломко Д.В. – канд. филос. наук, доцент кафедры философии Южно-Уральского государственного университета (Челябинск, Россия). E-mail: dimiurg85@mail.ru

Соковиков С.С. – канд. пед. наук, доцент кафедры философии и культурологии Челябинского государственного института культуры (Челябинск, Россия). E-mail: sokovik49@mail.ru

Невелева В.С. – д-р филос. наук, профессор кафедры философии и культурологии Челябинского государственного института культуры (Челябинск, Россия). E-mail: vsneveleva@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

D.V. Solomko, Cand. Sci. (Philosophy), associate professor, South Ural State University (national research university) (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: dimiurg85@mail.ru

S.S. Sokovikov, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, Chelyabinsk State Institute of Culture, (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: sokovik49@mail.ru

V.S. Neveleva, Dr. Sci. (Philosophy), professor, Chelyabinsk State Institute of Culture, (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: vsneveleva@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 24.10.2021;
одобрена после рецензирования 13.12.2021; принята к публикации 29.07.2022.*

*The article was submitted 24.10.2021;
approved after reviewing 13.12.2021; accepted for publication 29.07.2022.*